

опубликованной докторской диссертации автора в 1940 г.⁶ Последним кратким изложением концепции С. А. Бугославского в печати является написанный им текст в I томе академической «Истории русской литературы».⁷ На протяжении этих работ автор не изменил своей концепции, хотя уже первая ее публикация в 1914 г. вызвала критический отклик А. А. Шахматова, убедительно отстаивавшего свои взгляды.⁸ Точно так же доводы, изложенные в публикации Д. И. Абрамовича, не встретили отклика С. А. Бугославского. На это указывалось и оппонентом по его диссертации Н. К. Гудзием.⁹ Таким образом, мы вправе изложить выводы С. А. Бугославского по его последнему печатному труду, дополняя их по ранним изданиям.

Взгляд С. А. Бугославского диаметрально противоположен концепции А. А. Шахматова. Он сводится к следующему.

«Сказание» (без обширного рассказа о чудесах) возникло в последние годы княжения Ярослава и является по существу панегириком ему. Автор «Сказания» развил в особое произведение летописную статью 1015 г. «Об убийении Борисове». «Сказание» обильно историческими фактами и именами и написано в свободной от подражания византийским образцам манере. В своей диссертации С. А. Бугославский высоко оценивает «Сказание» как «первую русскую историческую повесть, преодолевшую застывшие литературно-агиографические каноны. Так, новое содержание, живая струя народного патриотизма обновили и стиль и форму произведения. „Сказание“ положило основание новому русскому жанру — княжеского жития, близкого к летописи».¹⁰ К «древнейшему» ядру «Сказания» позднее примкнуло особое «Сказание о чудесах», составившееся последовательно тремя авторами. Первый автор работал между 1089 и 1105 гг., он переписал и дополнил само «Сказание»; второй автор, показавший себя противником Святополка, работал около 1108 г.; третий был явным сторонником Владимира Мономаха, он дополнил «Сказание о чудесах» описанием перенесения мощей Бориса и Глеба в 1115 г.

«Чтение» является поздним произведением: оно было составлено Нестором на основе «древнейшей» части «Сказания» с дополнившим его «Сказанием о чудесах» (в «редакции второго автора»); Нестор писал до 1115 г., так как он еще не знает о происшедшем в этом году перенесении мощей Бориса и Глеба, и скорее всего около 1108 г. Задачей Нестора было превращение «Сказания» в годное для чтения в церкви житие в духе монашеских или великомученических византийских житий. В связи с этим Нестор заменяет все конкретное и «земное», столь богато насыщающее «Сказание», общими местами. Он избегает называть личные и географические имена, заменяя их аморфными родовыми понятиями; он усиливает агиографический назидательный элемент, превращая Бориса и Глеба в образцовых святых. Общая характеристика труда Нестора у С. А. Бугославского крайне противоречива. «Все эти распространения — общего житийного характера, — писал исследователь, — все они удаляют и читателя, и действующих лиц от исторического момента, из русской среды в область агиографических общих мест»; и, однако, в той же работе автор называет

⁶ С. А. Бугославский. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе. Рукопись диссертации, защищенной в Институте мировой литературы. Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

⁷ История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, стр. 317—321 и 326—328.

⁸ А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Пгр., 1916, стр. LXVII—LXXVII

⁹ С текстом отзыва меня познакомил Н. К. Гудзий, которому приношу благодарность за разрешение сослаться на его мнение.

¹⁰ С. А. Бугославский. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе, стр. 305